

Внешняя политика России: от «нового мышления» к новому стратегическому мышлению

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

mark.neimark@mail.ru

Аннотация: В исследовании изменений концептуальных основ российской внешней политики с момента становления до наших дней важное место занимает систематизация факторов, обстоятельств и тенденций, предопределивших начало преодоления ошибок и заблуждений 90-х годов и переход к ее доктринальной суверенизации. Распад СССР стал лакмусовой бумажкой отношения Запада, прежде всего США, к новой России. Не имеющий исторического прецедента столь стремительный — в одночасье — обратный формационный скачок от «реального социализма» к реальному капитализму, никак и никем не ожидаемый переход от конфронтационной биполярности к монополярной однополярности предопределили надежды Б. Ельцина и его ближайшего окружения на устранение былых геополитических антагонизмов, переизбыток завышенных ожиданий относительно готовности коллективного Запада во главе с США к равноправному диалогу с Россией. Это отчетливо проявилось в связи с разработкой первой концептуальной модели внешней политики России 1993 г., которая по ряду базовых параметров имела выраженный американоцентричный характер. Идея «вестернизации» внешнеполитической деятельности России продвигалась, прежде всего либеральными кругами, как панацея от ликвидации идеологических и политических опор советского строя, преодоления глубочайшего социально-экономического кризиса с надеждой, а то и с убежденностью, что «благожелательный гегемон» США и Запад в целом «нам поможет». Автор исходит из того, что обращение к истокам формирования концептуальной базы международной деятельности России, учет недооцененных или, наоборот, переоцененных факторов, имеет важное практическое значение для актуализации и оптимизации внешнеполитической стратегии нашей страны, совершенствования работы российской дипломатии и повышения ее эффективности в борьбе с новыми международными вызовами и угрозами.

Ключевые слова: Россия, Запад, США, многополярность, международная безопасность

Для цитирования: Неймарк М. А. Внешняя политика России: от «нового мышления» к новому стратегическому мышлению. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):171-189. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-171-189>

Статья поступила 12.03.2020

Принята в печать 14.04.2020

Опубликована 25.05.2020

Russian Foreign Policy: from “New Thinking” to New Strategic Thinking

Mark A. Neimark

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mark.neimark@mail.ru

Abstract: While studying the changes in the conceptual foundations of Russian foreign policy from its inception to the present day, an important place is occupied by the systematization of factors, circumstances and trends that predetermined the beginning of overcoming mistakes and errors of the 90s and the transition to its doctrinal sovereignty. The collapse of the USSR became the litmus test of the attitude of the West, primarily the USA, to the new Russia. Having no historical precedent, such a swift — overnight — reverse formation leap from «real socialism» to real capitalism, and by no means the expected transition from confrontational bipolarity to monopolistic unipolarity, predetermined the hopes of B. Yeltsin and his immediate circle for the elimination of past geopolitical antagonisms, high expectations regarding the readiness of the collective West, led by the United States, for an equal dialogue with Russia. That clearly emerged with the regard to the elaboration of the first conceptual model of the foreign policy of Russia in 1993 that in a number of basic parameters had a pronounced american-centric character. The idea of the “westernization” of the foreign policy activity of Russia was pushed primarily by the liberal circles as a panacea for the elimination of the ideological and political pillars of the Soviet system, overcoming the deepest social and economic crisis with the hope, and even with the conviction that the «benevolent hegemon» of the United States and the West as a whole «will help us». The author proceeds from the fact that referring to the sources of the formation of the conceptual base of international activity of Russia, taking into account underestimated or, conversely, overestimated factors, is of great practical importance for updating and optimizing the foreign policy strategy of our country, improving the work of Russian diplomacy and increasing its effectiveness in the fight against new international challenges and threats.

Keywords: Russia, West, USA, multipolarity, international security

For citation: Neimark M. A. Russian Foreign Policy: from “New Thinking” to New Strategic Thinking. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):171-189. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-171-189>

Received 12.03.2020

Revised 14.04.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ (ОТ НАДЕЖД К РАЗОЧАРОВАНИЯМ)

Первый опыт доктринальных построений внешнеполитической стратегии России

оказался неудачным. Иллюзии, заблуждения и ошибки авторов Концепции внешней политики 1993 г. зеркально отражали слож-

нейшие объективные условия, в которых она разрабатывалась: кризис государственной субъектности, системно-формационная трансформация государственного строя, глубочайший социально-экономический кризис, ускоренное наслоение и смешение противоречивых внутренних и внешних событийных рядов и, как следствие, кризис адаптации к беспрецедентным изменениям внутри страны и на международной арене, вызванных распадом СССР.

С развалом СССР обрушились сами основы советской идентичности с вытекающими отсюда внутривнутриполитическими последствиями, которые незамедлительно сказались на базовых экономических, военно-стратегических, ценностных и культурно-гуманитарных параметрах геополитического статуса страны.

Без преувеличения можно сказать, что это был экзистенциальный кризис. В. В. Путин так оценивал ситуацию в стране: «Россия переживает один из самых трудных периодов в своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200-300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира» [1]. К этой острой теме он возвращается неоднократно, заявляя со всей откровенностью и прямоотой: «Вопрос стоит гораздо острее и драматичнее. Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от выдачи международных кредитов и от благосклонности лидеров мировой экономики?» [2].

Не имеющий исторического прецедента столь стремительный — в одночасье — обратный формационный скачок от «реального социализма» к реальному капитализму предопределил ту поспешность, с которой была обозначена установка на одностороннюю стратегическую конвергенцию России с Западом. В этой связи принци-

пальное возражение вызывает точка зрения, сводящая совокупность множественных факторов и причин исчезновения Советского Союза и его «обратного» формационного скачка от социализма к капитализму к ошибкам и промахам дипломатии: утверждают будто «именно дипломатия, а не крах коммунизма привела к объединению Германии, отказу СССР от своего превосходства в обычных вооружениях, краху Организации Варшавского договора и распаду СССР» [3, с. 49]. Между тем центром принятия стратегических внешнеполитических решений дипломатия не была; они определялись не министерством иностранных дел, а политбюро ЦК КПСС, генсеком, позднее первым президентом страны, М. С. Горбачевым.

При всех преходящих, в том числе субъективных, обстоятельствах, решающее и долговременное воздействие на формирование российской внешней политики оказывали неодолимые в краткий срок объективные факторы. Свобода инициативы в международных делах и геополитическая самоидентификация только что возникшего государства жестко ограничивались сократившимися внутренними и внешними возможностями. «Кто бы и как бы не подвергал ретроспективной критике зачинателей российской внешней политики, не их заблуждения и ошибки, а суровая действительность вынуждала еще так недавно могучую державу смиряться с падением на значительно более низкий уровень международной геополитической значимости. Как можно было ожидать быстрого подъема авторитета на мировой арене страны, находившейся в состоянии глубокого экономического кризиса и политической нестабильности, страны, поставленной судьбой на грань бытия или небытия» [4, с. 149].

Осознать адекватно, в полной мере, гигантский геополитический сдвиг в столь

ограниченное время, которое отводилось для проработки первых концептуальных основ внешней политики России, было, конечно, практически невозможно. Надо было заново осмыслить весь комплекс факторов, определяющих параметры, основные направления и содержательное наполнение установок в отношении различных стран и регионов, наметить и зафиксировать меры, направленные на противодействие реальным и потенциальным угрозам, и решить острейших проблем, конфликтных ситуаций — ожидаемых и непредвиденных.

Между тем, едва став министром, А. В. Козырев сразу же объявил исходный концептуальный подход к его последующим действиям, основанный на форсированно полярных идеологических противопоставлениях, суть которых определял принцип «от противного»: для России США и другие западные демократии — «столь же естественные друзья и в перспективе союзники, как они были врагами для тоталитарного СССР». Несмотря на резкое ослабление позиций России в мире, он утверждал, явно выдавая желаемое за действительность, что национально-государственные интересы России и Запада в силу общих демократических убеждений «не только не сталкиваются, но и взаимодополняют друг друга в подавляющем большинстве международных вопросов». Более того, уравнивая далеко не равноценные в тот период геополитические потенциалы России и США, он говорил об их исторически обусловленных возможностях совместно влиять на ход мировых дел, поскольку у них есть все необходимое, чтобы сыграть роль катализатора глобального партнерства» [5].

Между тем американские лидеры считали распад СССР историческим поражением в «холодной войне» и в логике их реальной политики проигравшая сторона была не в праве вести себя на равных

с победившей. Об этом со всей откровенностью высказался патриарх политической элиты США З. Бжезинский, который писал, что сознательно дружественная позиция, занятая Западом, особенно США, в отношении тогдашнего российского руководства ободрила постсоветских «прозападников» в российском внешнеполитическом истеблишменте, усилив его проамериканские настроения. Новым лидерам льстило, уточнял он, быть на коротке с высшими должностными лицами, формулирующими политику единственной в мире сверхдержавы. Не без налета самонадеянного политического хитроумия, за которым едва скрывалось неослабевающее стремление США вытеснить Россию на обочину мировой политики, он подчеркивал, что именно американцы запустили в оборот лозунг о «зрелом стратегическом партнерстве» между Вашингтоном и Москвой и поэтому «русским показалось, что этим был благословлен новый демократический американо-российский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству» [6, с. 123]. Более того, в еще более жестких, хлестких выражениях, показывающих реальное отношение США к новой России, Бжезинский охарактеризовал концептуальные определения приоритетных направлений внешней политики России, которые, по его словам, «оказались неуклюжими с исторической точки зрения и разработанными на основе весьма фантазмагорических взглядов на нынешнюю мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом» [6, с. 122].

Его оценка американской позиции по отношению к новой России, провозгласившей готовность к стратегическому взаимодействию с США, завершалась красноречивым обобщающим выводом, что зрелое стратегическое партнерство «между двумя «демократиями» оказалось иллюзорным. Причина: Россия стала слишком отсталой

и слишком опустошенной в результате коммунистического правления, чтобы взаимодействовать на равных с США. «И эту основную реальность не могла затушевать высокопарная риторика о партнерстве» [6, с. 128]. Позднее он добавит, что политика США в отношении новой России была богата не только риторикой, но и «великодержавными жестами и стратегической пустотой» [6, с. 569].

Процесс выработки внешнеполитической стратегии России проходил под давящим воздействием множества объективных переплетающихся факторов, причин и обстоятельств, о которых говорилось выше. Не менее важным был субъективный, точнее, субъективно-личностный фактор, который нередко выходил на первый план, становясь приоритетно главным. Как отмечалось на экспертном уровне, российское руководство ожидало «премий» за крах коммунизма, как минимум — благожелательного адаптационного периода. Ничем не сдерживаемая пропаганда твердила о грядущем «золотом дожде» западной помощи и инвестиций». Прием в основные международные организации (МВФ, ГАТТ, Г-7, ОЭСР, КОКОМ, Европейский союз, даже НАТО) «виделся триумфальным торжеством, объятиями Запада» за ликвидацию военной угрозы, за добровольное изменение геостратегической ситуации в его пользу. «События в очередной раз наказали дилетантов, построивших свои оптимистические прогнозы не на реальном знании Запада, а исходя из иллюзий, внутренней конъюнктуры и попросту безоглядного российского “авось”» [7, с. 12-13].

Ситуацию существенно осложнял такой внеинституциональный центр, как «семья» президента, который играл порой большую роль, чем предусмотренные конституцией институты. Крупный бизнес через ее каналы участвовал в руководстве страной, назначе-

нии министров, принятии законов, избрании губернаторов на своих «вотчинных» территориях, пользовался широким доступом к государственным ресурсам, но не имел привычки платить налоги [8, с. 277].

Б. Н. Ельцин, задававший внешнеполитический вектор страны, не был умудренным геополитическим стратегом. Не обладал должным стратегическим мышлением и А. В. Козырев, стремительно вознесшийся из второго, если не из третьего кадрового эшелона союзного МИД на уровень министра иностранных дел РСФСР и столь же быстро занявший пост руководителя дипломатии одной из крупнейших держав мира. Когда российскую дипломатию того времени называли и нередко называют сегодня «kozyревской», то с таким определением согласиться нельзя. Это не так. А. В. Козырев не был самостоятельной фигурой и тем более — харизматической личностью. Его зависимость от Б. Н. Ельцина, как, впрочем, и других лиц из ближайшего окружения импульсивного, зачастую непредсказуемого в своих действиях президента, была чрезвычайно высока. Ельцинскому стилю в международных делах А. В. Козырев соответствовал в полной мере. Критика, которую он выслушивал от Б. Н. Ельцина, объективно имела самое прямое отношение к самому президенту. Так, выступая на коллегии МИД РФ в октябре 1992 г. Б. Н. Ельцин подверг критике А. В. Козырева за медлительность в разработке Концепции внешней политики, которая пребывает в плену «кризисного сознания». В результате у западных партнеров по переговорам появляется порой недопустимый стиль в общении, а его, настаивал президент, нельзя «проглатывать»: нужно «в какой-либо косвенной форме выразить свое разочарование» разницей между декларациями о поддержке реформ в России и реальным поведением западных стран.

Более того, в отношении с ними он призвал отказать от практики выступать в роли «государства, говорящего «да» [9].

Значительная часть Концепции-93, сфокусированная на американоцентризме международной политики, выражала мнение тех российских политологов-либералов, кто призывал «всячески поощрять США к проведению активной линии в мире, к распространению, больше того — к насаждению ценностей рынка и демократии, не исключая и земли бывшего СССР, к вмешательству во внутренние дела других государств, в первую очередь — в наши собственные, в пользу продвижения этих ценностей. И не нужно бояться «попасть в зависимость» от США «... и ни в коем случае не надо нагнетать страсти по поводу утраты нами своей самобытности, неповторимости, уникальности, по поводу потери статуса и атрибутов великой державы, лишения голоса на мировой форуме». Такая откровенная апологетика американоцентризма: — «без интенсивного подключения Запада, в первую очередь США, к внутренним процессам на территории бывшего СССР ни России, ни бывшим союзным республикам в пределах обозримого будущего не светит перспектива превратиться в нормальные, экономически благополучные, демократические государства» [10, с. 43] обосновалась весьма специфически, с привлечением теоретических выкладок как международно-политического, так и внутривнутриполитического свойства. Признавалось, что США привержены опоре на военную силу, привыкли к доминированию в мире, стараются привязывать к себе другие страны не только посредством механизмов внешне- и военно-политической координации, но и «путем синхронизации внутреннего общественно-го развития этих стран по американскому эталону». Но и в этом сторонники такого подхода не видели никакой опасности

американского гегемонизма для России. Главный аргумент — в высшей степени удивительный: «Современные Соединенные Штаты не способны к проведению гегемонистской политики». В обоснование приводились следующие причины: 1. США не подготовлены к этому ни в социальном, ни в политическом, ни в психологическом, ни в материальном отношении; 2. Гегемонизм — это закономерное порождение тоталитарного общества, внешнеполитическая форма его бытия; 3. Распространение ценностей демократии, рынка и гегемонизм — это антитезы.

В конечном счете совокупностью этих объяснений апологеты американоцентризма подводили к постоянно опровергаемому самой жизнью выводу, будто США, забыв собственные национально-государственные интересы, продвигают в мире универсальные, конечно же американские ценности, преследуя одну благородную цель — постепенное, эволюционное выравнивание уровней социального и экономического развития различных регионов и «этот процесс объективно плохо совместим с идеалом централизованного управления миром» [10, с. 42].

В результате в отношениях с США главной была установка «на стратегическое партнерство, а в перспективе — на союзничество». Фиксировалось отсутствие антагонистических противоречий с ними, хотя, как оговаривалось, что не означает полной бесконфликтности, возможность разногласий сохранялась.

Возможности и перспективы российско-американского партнерства исходно размывались отсутствием в нем базовых составляющих, не говоря уже о насущной необходимости их комплексной практико-политической увязки. Не было ни системы определения совпадающих национально-государственных интересов, не был выработан

совместный действенный механизм принятия решений и соответственно не было механизма реализации этих решений, а главное — не было механизма реализации этих решений на равноправной основе.

Отдельные компоненты политико-мировоззренческой преемственности вошли в адаптированно-модифицированном виде в К-93. Воспроизводилась, хотя и с оговорками, горбачевская логика «нового политического мышления», базировавшаяся на идее общечеловеческих ценностей. Именно она цементировала концепцию «демократической солидарности», исходно предполагающую некую солидарную общность внешнеполитических приоритетов и интересов РФ с государствами, еще недавно, в условиях предельно идеологизированной биполярности, стратегически ориентированных на противостояние с СССР. Отсюда — ставка на возможность бесконфликтного сосуществования России с Западом во главе с США без должного прагматичного учета совокупности факторов, предопределявших реальную стратегическую заданность их геополитических целей.

В этом концептуальном контексте уже не заблуждением, а принципиальной ошибкой выглядел базовый приоритет внешней политики России, который нес отчетливый отпечаток «нового политического мышления»: обеспечение только лишь «политическими средствами безопасности России во всех измерениях, включая суверенитет, независимость и территориальную целостность, укрепление стабильности по периметру российских границ, в близлежащих регионах и в мире в целом» (выделено — М.Н.).

АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ

В сравнении с тусклым «kozyревским» периодом российской дипломатии к концу 1990-х гг. в ее доктринальной активности и практической работе произошли замет-

ные позитивные изменения. 2000 год обозначил поворот в трансформации политической идентичности России. Динамика ее формирования вплоть до принятия новой редакции концепции внешней политики 2008 г. «в определенной степени встраивается в логику этого поворота». Вместе с тем с течением времени политическая идентичность наполняется новыми содержательными элементами, которые все в большей степени очерчивают ее конфигурацию [11, с. 8]. Были отброшены наиболее устаревшие положения и выводы, в той или иной степени искажавшие представления о путях и перспективах развития внешней политики страны. В значительной степени был преодолен переходный характер многих подходов предшествующего десятилетия, отражавших неустойчивость положения России в мире. Хотя, синтез новых идей и подходов, востребованных самой жизнью, все же еще не дошел до полноценного воплощения: слишком непредсказуемо тяжелым оказался груз начального противоречивого становления постсоветской российской государственности и соответственно формирования концептуального базиса внешней политики страны.

Уходил в прошлое гипертрофированный акцент на сугубо западный внешнеполитический вектор, прежде всего и главным образом американоцентризм, диктовавший логику, законы и правила чужой геополитической игры. Об этом свидетельствует, в частности, сам факт внесения в редакцию Концепции внешней политики РФ 2000 г. самокритичной констатации: «Не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось в “Основных положениях Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденных распоряжением Президента

Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. №284-рп и в других документах» [12].

В российской дипломатии возобладал стратегически взвешенный подход, позволяющий в отношениях с постсоветскими государствами действовать с адекватным учетом новых реальностей и взаимных интересов, а также степени подвижности самой шкалы «притяжение — противостояние», «столкновение интересов — партнерское взаимодействие».

Изменения внешнеполитической стратегии России явственно обозначились в новой редакции Концепции, утвержденной в 2000 г. (далее К-2000), которая стала второй попыткой концептуализации внешней политики России. Она уже во многом отличалась от первой концептуальной модели внешней политики страны, отдельные ошибки и просчеты которой проявились фактически сразу, другие — в последующие годы. Не прошло и трех лет после утверждения К-93, как Б. Н. Ельцину пришлось признать: «Далеко не все проходило гладко. Медленно формировались новые внешнеполитические интересы России. Не всегда удавалось точно сбалансировать все факторы, были запаздывания, отклонения от утвержденных основ внешней политики, разница между провозглашенным курсом и реальным исполнением. Все это приходилось поправлять, отлаживать» [13].

Осмысливая причины несогласованности российской внешней политики в 1990-е гг., А.Г. Арбатов сводил их к главному: МИД старался выполнять свою работу, а на высшем уровне исполнительной и государственной власти не делалось почти ничего для реализации достигнутых соглашений; ведомственные программы, федеральный бюджет и договоры с другими державами — все тянули политику в разные стороны; за границей давали торжественные обещания, а дома о них тут же забывали [14, с. 97].

Несовершенство исходных оснований и критериев формирования внешнеполитической линии страны отмечал И.С. Иванов, сменивший в сентябре 1998 г. Е.М. Примакова на посту министра иностранных дел РФ. Он признавал, что российской дипломатии далеко не всегда удавалось избежать иллюзий и внешнеполитических просчетов. Главная российская иллюзия 1990-х гг., по его оценке, состояла в романтическом представлении о мире после «холодной войны». Казалось, что место для новой России в новой системе мировой политики уже зарезервировано, что партнеры легко поймут текущие сложности в стране и помогут в трудных вопросах. «По сути дела, мы надеялись — хотя никто не произносил это вслух — что нашу работу кто-то сделает за нас только потому, что Россия в одностороннем порядке завершила холодную войну и отказалась от значительной части советского наследия. Мы существенно недоценили жесткость, даже жестокость современной политики, и переоценили готовность наших партнеров к стратегическому видению и масштабным решениям. Прозрение наступило далеко не сразу, и оно оказалось весьма болезненным» [15, с. 17].

Все более очевидной становилась обоснованность звучавшей в России критики прозападных внешнеполитических подходов, которая в обобщенном виде предупреждала: не в стратегических государственных интересах формировать новый концептуальный стержень и новые параметры внешней политики страны за счет упрощенного освоения чужого и еще совсем недавно чуждого зарубежного опыта без должного всестороннего учета особенностей кардинально изменившихся геополитических условий после исчезновения с мировой арены СССР.

К-2000, преемственно сохранив все то, что продолжало работать на внешне-

политическую перспективу страны, привнесла обновленные подходы, прагматически ориентированные на укрепление суверенной государственности России и укрепление ее позиций в мире. В отличие от вынужденной концептуальной скорописи внешней политики России в начале 1990-х гг., разработка К-2000 велась с более длительной практико-политической оглядкой на те тревожные тенденции и процессы в мировой политике и международных отношениях, которые в предшествующие годы мешали возрождению России в качестве глобального игрока, с мнением которого нельзя не считаться.

Если на начальном этапе разработки концептуальных основ внешней политики России декларировались далекие от объективности оценки места и роли страны в постбиполярный период, а также романтические, излишне радужные прогнозы формирования нового мирового порядка, при том, что многие важнейшие проблемы, стоявшие перед Россией, излагались в общем плане, либо никак не находили своего отражения, то по мере приближения к началу нового столетия ситуация заметно менялась. Уходил в прошлое период, когда российская дипломатия отличалась непоследовательностью, импульсивностью, романтизмом, конъюнктурным подходом и отсутствием должного профессионализма [16, с. 24, 26-27].

К концу 1990-х гг. вряд ли кто-нибудь из российских политиков взялся бы оспаривать тот факт, что первоначальные надежды добиться стратегического партнерства с США не оправдались ни в частностях, ни тем более — целиком. Как отмечал С.В. Кортунов, нельзя было ожидать, что Вашингтон за спиной своих западных союзников по НАТО пойдет на соглашение об «особых» отношениях с Москвой. Наивно было рассчитывать и на то, что США предпочтут

слабую Россию своим западным партнерам, таким, как Япония и Германия. «Как показал опыт 1991-1995 гг., попытки “подыгрывать” Вашингтону, попрошайничать и заискивать перед ним в расчете на благосклонность американцев обрекают нас на второстепенную роль, когда “старший партнер” все меньше считается с интересами “младшего”» [17, с. 165].

После приема в НАТО Венгрии, Польши и Чехии, а также в результате тесного военного сотрудничества с альянсом Болгарии и Румынии военная группировка НАТО, в том числе авиационная, продвинулась на Восток на 650-700 км. Состав объединенных ВВС НАТО увеличился по тактической авиации на 17-20%. НАТО получила в свое распоряжение 290 аэродромов передового базирования, созданных и использовавшихся ранее группами войск СССР, где можно сосредоточить до 3,5 тысяч боевых самолетов. В результате НАТО получила возможность наносить ракетно-бомбовые удары вплоть до Волги и Урала, уничтожать позиции стратегических ракет России [18, с. 165].

Разработка К-2000 свидетельствовала о возросшей геополитической зрелости российской внешней политики. Это проявилось в переосмыслении ряда подходов к тем установкам, которые считались основополагающими в К-93. Важнейшим изменением следует считать отход от вынужденного ограничения суверенного права России самостоятельно определять пути собственного политического и экономического развития, отказ от фактически, по сути, принятых на себя обязательств по реформированию государственного строя по американским лекалам, зафиксированным в Хартии российско-американского партнерства и дружбы 1992 г.

Изменения, которые учитывались в ходе обновления Концепции внешней политики

России, были предопределены также особенностями сложных и противоречивых политических, экономических и социальных процессов в самой стране. К концу 1990-х гг. в оценочном восприятии внешней политики России в отечественном политологическом сообществе прослеживались три точки зрения. Сторонники первой считали, что внешнеполитический курс страны не реализуется должным образом, деятельность российской дипломатии недостаточно эффективна. Приверженцы второй исходили из того, что в столь сложный переходный период сделан максимум возможного. Третья, конструктивно-критическая, отталкивавшаяся от того, что доктринальные установки тех лет фиксировали лишь общие принципы и краткосрочно-тактические приоритеты внешнеполитической деятельности России без учета долгосрочных стратегических перспектив ее развития, ориентировала на переосмысление на качественно новой основе сущностного содержания ее национально-государственных интересов.

При всех отличительных особенностях каждой из этих точек зрения у них был объединяющий стержень — исходная базовая оценка состояния экономики страны, задававшая параметры желательного и возможного в реализации ее внешнеполитического курса. Выделяя особенности депрессивного состояния дел в экономике России того периода, В. В. Путин констатировал: «Экономические проблемы России — накопленные в предыдущие десятилетия, десятилетия стагнации и кризисов — никуда не делись... В последние годы экономического роста нам удалось разве что не увеличить отставание от других стран» [19].

Таким образом, объективных условий для коренного пересмотра приоритетов внешней политики России было явно недостаточно, поскольку на протяжении 1990-х

гг. Россия все еще представляла собой полупериферийную зону в глобальном пространстве.

Тот факт, что в анализируемый период с его переходным характером международных отношений ослабленная Россия не имела реальных возможностей настаивать в международном сообществе на своем видении проблем ни в одном принципиальном вопросе глобальной политики, было обусловлено сочетанием следующих факторов: объективно лидирующей ролью США на нынешнем этапе мирового развития; необходимостью для России «вписаться» в сообщество ведущих государств и союзов в качестве партнера (чему мешал ряд объективных факторов, а не только наследие «холодной войны»); а отсюда — ограничением возможности использовать право вето в СБ ООН (тем более в условиях снижения роли ООН); неопределенностью политической роли главного актива России — ее стратегического потенциала; отсутствием у России достаточно широкого и гибкого, хорошо координируемого арсенала средств влияния на ее основных партнеров [20, с. 10-11].

Назначение в 1996 г. министром иностранных дел Е.М. Примакова вместо отправленного в отставку А. В. Козырева само по себе стало знаковой приметой переоценки мирополитических процессов в целом и переосмысления внешнеполитических задач и приоритетов России.

Е.М. Примаков не был антизападным политиком как его ошибочно представляли в политических элитах Запада. Харизматичный государственный деятель, глубокий аналитик, всесторонне осведомленный в силу своих предшествующих занятий о положении дел в стране и мире, жесткий — в меру — государственный, Е.М. Примаков испытывал к влиянию Запада на российскую политику понятную насторожен-

ность: «Как и многие, он осуждал не линию на сотрудничество с США и ЕС, а политику «безоговорочного согласия» с исходящими от Запада инициативами» [21, с. 59].

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ

С президентства В. В. Путина началось сближение России с Западом на качественно новой основе. «И если еще не с позиции паритета потенциалов и статусов, то уже никак не в роли младшего партнера. Главное же новшество заключалось в том, что очередной разворот России лицом к Западу не означал повторения прежних моделей их взаимоотношений, носивших на себе так или иначе печать мечтаний о межсистемной конвергенции» [4, с. 283].

Все это вместе взятое привело к тому, что в отличие от первого концептуального опыта внешней политики России К-2000 представляла уже систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности страны.

Целевые установки документа стали более взаимосвязанными и взаимодополняемыми. Воспроизведенное из прежней Концепции — всего лишь один раз — определение России как великой державы увязывалось с задачей сохранения и укрепления прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей степени отвечают интересам России как одного из влиятельных центров современного мира и которые необходимы для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала. В этом контексте подчеркивалась необходимость воздействия России на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка на равноправных и партнерских отношениях между государствами.

Четко, не допуская каких-либо произвольных интерпретаций, как это позволяли

отдельные положения К-93, было заявлено, что поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями определяется национальными приоритетами России, на основе которых выстраивается система партнерских и союзнических отношений, улучшающих условия и параметры международного взаимодействия. Важным внешнеполитическим императивом становилась всесторонняя защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом.

Впервые на первый план внешнеполитической деятельности в качестве практической задачи выдвигалось содействие позитивному восприятию России в мире, требование вывести на должный уровень популяризацию русского языка и культуры народов РФ за рубежом.

Вместе с тем, ретроспективно оценивая раздел К-2000 «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации», забеганием «вперед» представляется тезис о прекращении конфронтации и последовательном преодолении последствий «холодной войны». Явно преждевременным выглядело утверждение о создавшихся предпосылках для более стабильного и кризисоустойчивого мирового устройства. Этот вывод слабо согласовывался с идущей вслед констатацией зарождения в международной сфере новых вызовов и угроз национальным интересам России, усиления тенденции к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. Отмечалось, что при решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН. Более того: «Стратегия односторонних действий может дестабилизировать меж-

дународную обстановку, провоцировать напряженность и гонку вооружений, усугубить межгосударственные противоречия, национальную и религиозную рознь. Применение силовых методов в обход действующих международно-правовых механизмов не способно устранить глубинные социально-экономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов, и лишь подрывает основы правопорядка».

Серьезным препятствием на пути обеспечения кризисоустойчивого мирового порядка становились масштабы распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Особо подчеркивалась угроза международному миру и безопасности, которую представляют неурегулированные или потенциальные региональные и локальные конфликты. К тому же, как было зафиксировано в К-2000, существенное влияние на глобальную и региональную стабильность начал оказывать рост международного терроризма, транснациональной организованной преступности, а также незаконного оборота наркотиков и оружия.

Важнейшим отличием от К-93 стало предостережение против нарушений Договора 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны — краеугольного камня стратегической стабильности и соответственно против реализации американских планов ПРО, которые, как подчеркивалось в К-2000, вынудят Россию принять адекватные меры по поддержанию на должном уровне своей национальной безопасности.

В рамках четко обозначенного курса на участие совместно с другими государствами в предотвращении распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, средств их доставки, а также соответствующих материалов и технологий, Россия настаивала на укреплении и развитии профильных междуна-

родных режимов, включая — что становилось все более актуальным геополитически — создание глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий.

В свете отмеченных выше новых опасных вызовов и угроз в качестве важнейшей внешнеполитической задачи на первый план выдвигалась борьба с международным терроризмом, способным дестабилизировать обстановку не только в отдельных государствах, но и в целых регионах. Подчеркивалась необходимость дальнейшей разработки мер по усилению взаимодействия государств в этой области.

В сфере международных экономических отношений главным приоритетом внешней политики России определялось содействие развитию национальной экономики, которое в условиях глобализации немислимо без широкого включения страны в систему мирохозяйственных связей. Ставилась задача обеспечить благоприятные внешние условия для формирования в РФ экономики рыночного типа, которая впервые конкретизировалась, в частности, в установке на становление обновленной внешнеэкономической специализации РФ, гарантирующей максимальный экономический эффект от ее участия в международном разделении труда.

При этом императивным требованием становилось сведение к минимуму рисков при дальнейшей интеграции России в мировую экономику с учетом необходимости обеспечения экономической безопасности страны. В тесной взаимосвязи с этими установками формулировались следующие задачи: содействовать привлечению иностранных инвестиций в первую очередь в реальный сектор и приоритетные сферы российской экономики, приводить обслуживание российского внешнего долга в соответствие с реальными возможностями

ми страны, добиваться максимального возврата средств в счет кредитов иностранным государствам.

В отдельный целостный формат в К-2000 впервые выделялось информационное сопровождение внешнеполитической деятельности России. Здесь во главу угла ставилось доведение до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах и действиях, а также о достижениях российской культуры, науки, интеллектуального творчества. На передний план выдвигалась задача формирования за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней. Неотъемлемый элемент этой работы — целенаправленные усилия по широкому разъяснению за рубежом сути внутренней политики России, происходящих в стране процессов. Подчеркивалась политическая актуальность ускоренного развития в стране собственных эффективных средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом.

В качестве приоритетного регионального направления внешней политики России К-2000 определяла многостороннее и двустороннее сотрудничество со странами СНГ с ясно выраженным акцентом на обеспечение его соответствия задачам национальной безопасности страны. Упор продолжал делаться на развитии добрососедских отношений и стратегического партнерства со всеми государствами-членами СНГ, но практические отношения с каждым из них должны были строиться с учетом встречной открытости для сотрудничества, готовности адекватно учитывать интересы России, в том числе в обеспечении прав российских соотечественников.

Параметры и характер такого взаимодействия исходно определяла концепция

разноскоростной и разноуровневой интеграции в рамках СНГ. Первостепенная задача — укрепление Союза Беларуси и России как высшей формы интеграции двух суверенных государств. Серьезный акцент был сделан на развитии экономического сотрудничества, включая создание зоны свободной торговли, реализацию программ совместного рационального использования природных ресурсов, в частности выработки статуса Каспийского моря с учетом взаимных интересов прибрежных государств. Особое внимание уделялось практическому обеспечению выполнения взаимных обязательств по сохранению и приумножению в государствах-членах СНГ общего культурного наследия.

Эти и другие положения раздела, посвященного СНГ, отражали озабоченности, которые неоднократно высказывало руководство России. Отмечая возрастающую практико-политическую и экономическую значимость отношений России со странами СНГ, Б. Н. Ельцин вместе с тем откровенно обозначил ключевые проблемы и трудности, которые мешают их конструктивному развитию: «Говоря о Содружестве в целом, мы не можем не констатировать, что, к сожалению, ни экономически, ни политически, оно пока не стало тем механизмом, который надежно обеспечивает условия для взаимовыгодного сотрудничества. Для этого мы обязаны на практике решительно утверждать принцип равноправия: мы все равны, среди нас нет ни младших, ни старших братьев... К каждому государству СНГ нужно найти свой особый подход, не ущемляющий наших соседей» [22].

Вместе с тем, признанием чрезмерных иллюзий в начале 1990-х гг. относительно политики Запада на постсоветском пространстве стало заявление Б. Н. Ельцина о необходимости российской дипломатии «решительнее противостоять “двойным

стандартам» в подходах к урегулированию конфликтов на территории СНГ. Они — вызов региональной безопасности» [23].

Традиционно приоритетным вошел в К-2000 европейский блок внешней политики России. Главная цель — создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества. Документ постулировал заинтересованность России в дальнейшем сбалансированном развитии многофункционального характера ОБСЕ и готовности решительно противодействовать сужению ее функций, а также попыткам перепрофилировать ее деятельность на постсоветское пространство и Балканы.

Ключевое значение придавалось отношениям России с Евросоюзом. Процессы, происходящие в ЕС, рассматривались под углом зрения их растущего влияния на динамику ситуации в Европе. Имелись ввиду проблемы расширения ЕС, перехода к единой валюте, институциональной реформы, становления общей внешней политики и политики в области безопасности, оборонной идентичности. Взвешенно-критически оценивалось состояние отношений Россия-ЕС в рамках соглашения от 24 июня 1994 г., которое «еще не заработало в полную силу». Вместе с тем К-2000 исходила из того, что конкретные проблемы, связанные прежде всего с адекватным учетом интересов российской стороны, будут решаться на основе одобренной в 1999 г. Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом. Пристальное внимание уделялось формирующемуся военно-политическому измерению Евросоюза.

Показательна динамика изменений общественного мнения, зафиксированных в этот период, по отношению к интегрированной Европе. В апреле 2001 г. Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) со-

вместно с московским представительством Фонда Ф. Эберта провел экспертный опрос по проблемам, в частности российско-европейских отношений. Оценивая будущее России в их контексте, 20% опрошенных экспертов высказали мнение, что Россия восстановит статус великой державы и будет играть решающую роль в европейских делах, не интегрируясь в ЕС, 21% — что Россия не интегрируется в европейские структуры и превратится в периферийную страну, 15% — что, интегрировавшись в Европу, Россия станет одним из ее лидеров, а 33% опрошенных считали, что Россия интегрируется в Европу, но в качестве обычной страны. Отвечая на вопрос о причинах сложностей, с которыми сталкивались Россия и объединенная Европа в процессе выстраивания взаимных отношений, 71,9% экспертов поставили на первое место предубеждения Запада против России. Причем — что очень важно — это касалось сторонников самых разных идейно-политических ориентаций и внешнеполитических концепций [24, с. 41-43]. Хотя 36% опрошенных экспертов считали, что Россия должна занять жесткую бескомпромиссную позицию и всячески противодействовать расширению НАТО на Восток, тем не менее большинство из них (51%) склонялись к поиску компромисса в этом вопросе. Причем, к компромиссам в гораздо большей степени были склонны эксперты-западники — так считали 69,9% из них, а 55,7% традиционалистов придерживались противоположной позиции. [24, с. 41].

Подход к НАТО определялся в К-2000 двумя составляющими. С одной стороны, Россия заявляла о своей открытости для конструктивного взаимодействия с альянсом в интересах поддержания безопасности и стабильности на континенте. Предпосылки для такого взаимодействия содержались в основополагающем акте

о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора от 27 мая 1997 г. С другой стороны, по целому ряду параметров политические и военные установки НАТО не только не совпадали с интересами безопасности России, но и прямо противоречили им. В первую очередь это касалось положений новой стратегической концепции НАТО, не исключая ведения силовых операций вне зоны действия Вашингтонского договора без санкций Совета Безопасности ООН. При этом Россия сохраняла негативное отношение к расширению НАТО.

Позитивный настрой России на развитие диалога и сотрудничества с НАТО сопровождался и другими принципиальными оговорками. Так, в документе подчеркивалось, что насыщенное и конструктивное сотрудничество между Россией и НАТО станет возможно лишь в том случае, если будет строиться на основе должного учета интересов сторон и безусловного выполнения принятых на себя взаимных обязательств. Оговаривалась и прямая зависимость интенсивности сотрудничества с НАТО от неприменения ею силы и угрозы силой, размещения на территориях новых членов альянса группировок обычных вооруженных сил, ядерного оружия и средств его доставки.

Существенному переосмыслению подвергся раздел К-2000, посвященный отношениям с США. В отличие от К-93, объемом заметно превышавший другие, этот раздел не только многозначительно сократился в несколько раз, но и занял место после Западной Европы и конкретно — Евросоюза.

В отношениях с США К-2000 фиксировала наличие серьезных, в ряде случаев принципиальных разногласий. Несмотря на это Россия заявляла о готовности к их преодолению и сохранению создававшейся на протяжении почти десяти лет инфраструктуры

российско-американского сотрудничества. Оно рассматривалось как необходимое условие улучшения международной обстановки и обеспечения глобальной стратегической стабильности. Прежде всего это касалось проблем разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных региональных конфликтов. Особо подчеркивалось, что только при активном диалоге с США возможно решение вопросов ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений. Во взаимных интересах поддерживать регулярные двусторонние контакты на всех уровнях, не допускать пауз в отношениях, сбоев в переговорных процессах по основным политическим, военным и экономическим вопросам — такова была практико-политическая установка К-2000, которая явственно отражала преемственность с К-93, однако с тем трезвым учетом негативных, идущих вразрез с интересами России тенденций, которые в значительной степени определяли характер отношения к ней со стороны США.

В новой редакции Концепции 2000 года восполнялся существенный пробел в К-93. Появилось скорректированное, геополитически важное положение о развитии региональной и субрегиональной интеграции не только в Европе, но и в Азиатско-тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке: интеграционные объединения приобретают все большее значение в мировой экономике, становятся существенным фактором региональной и субрегиональной безопасности и миротворчества. Вместе с тем, документ предупреждал, что в условиях военно-политического соперничества, этнонационального и религиозного экстремизма интеграционные процессы приобретают зачастую избирательно-ограничительный характер. Особо подчеркивалось,

что попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений создают угрозу произвольного вмешательства во внутренние дела.

С учетом возрастающего значения Азии в мировой экономике и политике в К-2000 был сделан упор на активизации участия России в основных интеграционных структурах Азиатско-тихоокеанского региона — форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по безопасности, в созданной при инициативной роли России «Шанхайской пятерке» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан).

Совпадение принципиальных подходов России и Китая к ключевым вопросам мировой политики рассматривалось как одна из базовых опор региональной и глобальной безопасности. Акцентированно ставилась главная задача — приведение масштабов экономического взаимодействия в соответствие с уровнем межгосударственных политических отношений.

Поддерживая линию на создании в Азии зон, свободных от ядерного оружия, Россия расценивала подписание Индией и Пакистаном Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и их присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия как важный фактор обеспечения стабильности в регионе.

В сравнении с К-93, где в отношении к обстановке на Ближнем Востоке оценоч-

ную позицию определяли прежде всего и главным образом политические критерии и параметры, К-2000 прагматически ориентировала — в качестве приоритетной задачи — и на восстановлении и укреплении позиций России, особенно экономических, в этом важном для интересов страны районе мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новым моментом стало признание ошибочности зафиксированного в К-93 положения о международной субъектности российских регионов, создававшей опасность размывания государственной суверенности Российской Федерации. В К-2000 было четко заявлено, что субъекты Российской Федерации развивают свои международные связи в соответствии с Конституцией страны, Федеральным законом «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» и другими законодательными актами. МИД России и другим федеральным органам исполнительной власти ставилась задача оказывать содействие субъектам РФ в осуществлении ими международного сотрудничества «при строгом соблюдении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации».

Таким образом, прослеженный переход от «нового мышления» к реально новому стратегическому мышлению укрепил основы доктринальной и практико-политической суверенности России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий. *Независимая газета*. 1999. 31 декабря.
2. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 11.03.2020)
3. Штруба Е.В. Изменение концептуальных основ внешней политики Российской Федерации в условиях глобализации. *Историче-*

- ская и социально-образовательная мысль. 2009;6:48-60.
4. Быков О.Н. Геополитический статус России (в двух томах). Книга первая. Москва: ИМЭ-МО РАН; 2015. 410 с.
 5. Козырев А. В. Стратегия партнерства. *Международная жизнь*. 1994;5:5-15.
 6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: АСТ; 2016. 702 с.
 7. Лукин В.П., Уткин А.И. Россия и Запад: общность или отчуждение? Москва: САМ-ПО; 1995. 147 с.
 8. Никонов В. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? Москва: «Э»; 2015. 672 с.
 9. Борис Ельцин в МИД: с кем быть и кто виноват. *Коммерсантъ*. 1992. 28 октября.
 10. Спасский Н. Новое мышление по-американски: танго без партнера. *Мировая экономика и международные отношения*. 1992;7:30-43.
 11. Тимофеев И.Н. Эволюция внешнеполитической идентичности России: конец постсоветского периода? Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. Под ред. Мельвиля А.Ю. Москва: МГИМО-Университет; 2007. 176 с.
 12. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 11.03.2020)
 13. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 23 февраля 1996. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/> (дата обращения: 11.03.2020)
 14. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. Москва: ЭПИцентр; 1999. 525 с.
 15. Иванов С.И. Будущее — за «умной» внешней политикой. Внешняя политика России 2000-2020 в трех томах. Том 1. Москва: Аспект Пресс; 2012. 220 с.
 16. Панов А.Н. Россия в системе современных международных отношений. в кол. монографии Внешняя политика России 1991-2016. Под ред. Торкунова А. В. Москва: МГИМО-Университет; 2017. С. 23-72.
 17. Кортунов С.В. Становление политики безопасности: формирование политики национальной безопасности в контексте проблем глобализации. Москва: Наука; 2003. 616 с.
 18. Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции. Москва: Научная книга; 2002. 416 с.
 19. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию. 18 апреля 2002. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21567> (дата обращения: 11.03.2020)
 20. Косолапов Н. Мир в начале тысячелетия. Формирование глобального миропорядка и Россия. *Мировая экономика и международные отношения*. 2004;11:3-13.
 21. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России. *Международные процессы*. 2007;5(1):54-69.
 22. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох». 30 марта 1999. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092510&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 11.03.2020)
 23. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действительности государственной власти в России». 16 февраля 1995. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html (дата обращения: 11.03.2020)
 24. Эксперты о внешней политике России. *Социологические исследования*. 2002;3:34-43.

REFERENCES

1. Putin V.V. Russia at the turn of the millennium. *Independent Newspaper*. 1999. 31th December. (In Russ.)
2. Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2000. July, 8. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
3. Shtruba E. V. Changing the conceptual framework of the foreign policy of the Russian Federation in the context of globalization. *Historical and Social and Educational Thought*. 2009;6:48-60. (In Russ.)
4. Bykov O. N. Geopolitical Status of Russia (in 2 vol.). Vol. 1. Moscow: IMEMO RAS; 2015. 410 p. (In Russ.)
5. Kozyrev A. V. Strategy of the Partnership. *International Life*. 1994;5:5-15. (In Russ.)
6. Brzezinski Z. Great chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives. Moscow: AST; 2016. 702 p. (In Russ.)
7. Lukin V. P., Utkin A.I. Russia and the West: community or alienation? Moscow: SAMPO; 1995. 147 p. (In Russ.)
8. Nikonov V. Code of the Civilization. What awaits Russia in the Future World. Moscow: A; 2015. 672 p. (In Russ.)
9. Boris Eltsin in the MFA: with whom to be and who is to blame. *Коммерсантъ*. 1992, October, 28. (In Russ.)
10. Spassky N. New American Thinking: Tango Without a Partner. *World Economy and International Relations*. 1992;7:30-43. (In Russ.)
11. Timopheev I. N. The evolution of Russia's foreign policy identity: the end of the post-Soviet period? Space and time in world politics and international relations. Materials 4th of the RAMI Convention. In 10 vol. Ed. Melville A.Yu. Moscow: MGIMO-University; 2007. 176 p. (In Russ.)
12. Concept of the foreign policy of Russian Federation of 2000. 2000. July, 11. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
13. Address of the President of Russia Boris Eltsin to the Federal Assembly of the Russian Federation: «Russia for which we are responsible». 1996. February, 23. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
14. Arbatov A. Security: Russian Choice. Moscow: EPICenter; 1999. 525 p. (In Russ.)
15. Ivanov S.I. Future is for «smart» foreign policy. Foreign policy of Russia in 2000-2020 (in 3 vol.). In.: Vol. 1. Moscow: Aspect Press; 2012. 220 p. (In Russ.)
16. Panov A. N. Russia in the system of contemporary international relations in the Foreign Policy of Russia in 1991-2016. Ed. Torkunov A.V. Moscow: MGIMO-University; 2017. pp. 23-72. (In Russ.)
17. Kortunov S. V. The formation of security policy: the formation of national security policies in the context of globalization. Moscow: Science; 2003. 616 p. (In Russ.)
18. Shtol V. V. NATO: dynamics of evolution. Moscow: Science book; 2002. 416 p. (In Russ.)
19. Address of the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2002. April, 18. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21567> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
20. Kosolapov N. The world at the beginning of the millennium. The formation of the global world order and Russia. *World Economy and International Relations*. 2004;11:3-13. (In Russ.)
21. Bogaturov A. Three generations of Russian foreign policy doctrines. *International Trends*. 2007;5(1):54-69. (In Russ.)
22. Address of the President of Russia Boris Eltsin to the Federal Assembly of the Russian Federation: «Russia at the turn of the eras». 1999. March, 30. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092510&rdk=&back-link=1> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
23. Address of the President of Russia Boris Eltsin to the Federal Assembly of the Russian Fed-

eration: «On the effectiveness of state power in Russia». 1995. February, 16. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_

vlasti_v_rossii_1995_god.html [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)

24. Experts on Russian foreign policy. *Social Studies*. 2002;3:34-43. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark, Doctor of Science (History), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; mark.neimark@mail.ru